

Это, должно быть, сон.

У Жун, сидя в кабинке бара, задумался с пустым выражением лица.

Иначе как бы еще он увидел Сюнь Аня, тупоголового отморозка из университета, сидящего напротив него?

Он умер на шоссе в дождливую ночь, в ту ночь, когда узнал, что Сюнь Ань женится на дочери влиятельного человека. Он только что закончил одно поручение и возвращался, везя на заднем сиденье торт, который он купил для Сюнь Аня — он специально поехал в Янцзяпин, чтобы купить его, ведь Сюнь Ань сказал, что скучает по вкусу старых дней.

Он хотел поздравить Сюнь Аня с днем рождения сразу с утра, поэтому и ехал так быстро и рискованно, что после аварии его плоть и кровь смешались с тортом в одну красно-белую массу.

Душа У Жун после смерти не отправилась в ад, а пролетела весь путь домой, чтобы увидеть, как собака Сюнь Ань уронит несколько капель кошачьей мочи на его похороны, повернется и возьмет его деньги, чтобы купить кольцо с бриллиантом, и будет держать руку дочери влиятельного человека на свадьбе с улыбкой на лице, чтобы объявить об успехе их пятилетней любви. Только увидев это он понял: значит, подонок Сюнь Ань и дочь влиятельного человека не просто случайно оказались вместе, а встречались уже пять или шесть лет.

Забавно, что до этого У Жун слепо верил, что они состарятся вместе. Кажется, что в глазах Сюнь Аня он был просто доверчивым банкоматом.

— А-Жун, сколько раз я говорил тебе не курить. Разве ты не обещал мне, что научишься быть хорошим, какая разница между тобой и этими хулиганами, если ты будешь продолжать в том же духе?

Услышав эту знакомую лекцию, У Жун рефлекторно попытался затушить сигарету. Сюнь Ань ненавидел запах сигарет, и всякий раз, когда ему хотелось покурить, он тайком выходил на улицу и решался вернуться домой только после того, как запах дыма рассеивался.

Как только он взялся за сигарету, движения У Жун приостановились. Он поднял голову, его пристальный взгляд медленно прошелся от глаз Сюнь Аня до подбородка. Лицо было точно таким же, как то, которое он помнил, и взгляд был точно таким же, полным озабоченности и искренности.

Пока он размышлял, пепел его сигареты упал на стол, заставив Сюнь Аня нахмуриться и снова заговорить:

— Посмотри на себя, от тебя пахнет дымом, ты опять ночуешь в этом баре? Когда ты последний раз бывал дома? Ну и что, что тетя бьет тебя немного сильнее, она просто хочет, чтобы ты вырос хорошим человеком...

Ошибиться было невозможно, это был тот самый человек.

Не дожидаясь, пока Сюнь Ань закончит фразу, У Жун прижал окурок к его руке.

Сон или галлюцинация.

Но он не проснется, пока он не выплеснет свой гнев.

— Ай, горячо!

Крики Сюнь Аня привлекли взгляды и без того небольшого количества посетителей, но их преградили улыбающиеся лица других официантов.

Когда он был маленьким, ему не хватало здравого смысла, он не понимал что хорошо, а что плохо, и последовал за старшим братом. Он был молчаливым, жестким и безжалостным волчонком. За это он так понравился своему старшему брату, что в шестнадцать лет стал "братом Жуном", а теперь, в восемнадцать, вся улица баров — его территория.

Здесь никто не смел вступить за Сюнь Аня.

— У Жун, что ты делаешь? Ты с ума сошел?! — Спросил Сюнь Ань отдернув руки, на его лице было больше недоверия, чем гнева.

Он никак не отреагировал на этот крик, и на лице Сюнь Аня, которое всегда было замаскировано мягкой доброжелательностью, мелькнули следы нетерпения и хитрости, что заставило У Жуна еще больше заскучать. Он уже собирался сесть на стул и нанести ему еще один удар, когда поднял голову и увидел пачку денег, лежащую на столе Сюнь Аня.

Там была дюжина красных банкнот со стариком*, все совершенно новые.

(* Красные банкноты это 100 юаней, традиционно на лицевой стороне всех банкнот в Китае — портрет Мао Цзэдуна)

Семья Сюнь Аня была бедной, и когда он только поступил в университет, то нашел себе подработку на полставки. Однажды он сказал, что его сестра приезжает к нему погостить, но он был очень стеснен в средствах, поэтому и занял немного денег у У Жуна. После он много раз говорил, что все вернет, но так и не сделал этого.

Старому У Жуну было все равно, но нынешний У Жун был другим.

У Жун сразу же забрал деньги, а Сюнь Ань застыл на месте. Он, казалось, понял и сказал тоном, который казался беспомощным, но на самом деле был снисходительным:

— Не нужно так сердиться, если ты не хочешь одолжить мне денег. Моей сестре нужно побыть здесь всего несколько дней, и молодежный хостел вполне подойдет. Просто маленькая девочка любит, когда ее балуют, поэтому я и попросил их у тебя. Ты же не собираешься из-за такой мелочи устраивать сцену на улице, столько людей смотрят, это слишком постыдно...

Сюнь Ань вдруг не смог продолжать, стоящий перед ним У Жун казался совсем другим человеком, и он растерялся, не в силах ничего сказать. Это был уже не тот мальчик, которого было очень легко обмануть, несмотря на его холодное лицо.

Теперь один взгляд У Жуна заставил его почувствовать удушье.

— Хостел? Боюсь, она не привыкла к таким условиям.

У Жун ударил себя по лицу деньгами, его тонкие губы скривились в язвительной усмешке:

— Этих денег достаточно, чтобы развлечь сестру Сюнь, но недостаточно, чтобы развлечь сестру Линь.

— Что еще за сестра Линь? У Жун, что, черт возьми, с тобой сегодня не так?

В глазах Сюнь Аня промелькнула вспышка паники, прежде чем он смог успокоиться. Несмотря на ранение собственной руки, он первым делом попытался успокоить У Жуну:

— Я знаю, что ты снова поссорился с тетей из-за недавней неудачи в воспитании призрака, и в душе ты зол. Но не раздувай из мухи слона, это просто слухи. Мы с Линь Вэньвэнь просто однокурсники, разве ты не знаешь, кто мне действительно нравится?

Голос Сюнь Аня становился все тише и тише и наконец превратился в мягкую улыбку, он даже попытался взять У Жуну за руку:

— Не сердись, это вредно для твоего здоровья...

— Черт, брат Жун, я больше не могу этого вынести!

Прежде чем У Жун успел разозлиться, собравшиеся вокруг него "младшие братья" не смогли сдержаться. Один из них шлепнул Сюнь Аня по руке, достал стопку фотографий и бросил ему в лицо, напрягая шею и злобно крича:

— Брат Жун! Ты защищал этого парня, поэтому мы все дали ему немного лица. Но этот ублюдок осмеливается промышлять у тебя за спиной! Даже если ты отругаешь меня сегодня, я все равно все ему выскажу! К черту твое дерьмовое притворство, ты почти лапаешь ее за грудь, у тебя совсем нет совести!

Снимки разлетелись, царапая место, где его только что обожгла сигарета. Лицо Сюнь Аня побелело, было ли это из-за боли или вида пары, прижавшейся друг к другу на фотографии, но он на мгновение растерялся. Только когда парни грубо толкнули его, повалив на пол и стали бить и пинать, он, наконец, совсем запаниковал.

Но в этот момент Сюнь Ань все еще питал иллюзии и искал помощи У Жуну, сдерживая боль и шепча:

— У Жун, послушай, я все объясню.

Такое случалось и раньше, но У Жун всегда верил ему с самого начала и до конца. Сюнь Ань знал, что этот человек казался упрямым, но на самом деле его было очень легко уговорить.

Пока он сможет замять этот инцидент, любому, кто побьет его сегодня, в будущем воздастся сторицей.

У Жун обязательно выслушает его объяснения, Сюнь Ань был убежден, и пылал от ярости в своем сердце.

Парни не прилагали много силы, когда наносили удары, а один или двое тайком поглядывали на У Жуну. Обычно он защищал Сюнь Аня под своим крылом и не позволял им слишком сильно избивать его. Он всегда выслушивал объяснения Сюнь Аня, в конце концов даже сейчас он не выглядел взволнованным всем этим шумом.

Пока они не заметили, как У Жун смотрел на Сюнь Аня сверху вниз.

Такой странный взгляд, такой безразличный, словно он смотрел на кучу мусора.

— Продолжайте, чего вы остановились?

При этих словах У Жуна парни замерли в недоумении, но тут же, словно обрадовавшись, начали быть сильнее. У Жун не смотрел на перекошенное лицо Сюнь Аня. Вместо этого он задумчиво смотрел на свои длинные, тонкие руки.

Поскольку ему снова исполнилось восемнадцать, его мать тоже должна быть жива.

Его отец умер молодым, и его мать умерла молодой. Не было дня, чтобы они не ссорились, и он проводил больше времени в баре, чем дома. Но после долгих лет разглядывания черно-белого портрета смешанные эмоции в конце концов перешли в ностальгию.

Интересно, как долго продлится этот сон, достаточно ли для того, чтобы он пошел домой и снова ее увидел?

Когда стало ясно, что Сюнь Ань окончательно потерял ценность в глазах У Жуна, его подчиненные были так счастливы, как будто наступил праздник. Двое из них подмигивали друг другу и улыбались, выталкивая какого-то мужчину из подсобки.

— Ба, что за собака, ты даже не достоин обуви нашего брата Жуна!

Один из них дважды пнул Сюнь Аня, а другой подтолкнул мужчину в сторону У Жуна и подмигнул ему:

— Брат Жун, не обязательно есть гнилые персики когда есть хорошие яблоки, вот, ты очень нравишься этому маленькому певцу, и он рад возможности поговорить с тобой.

Затем он повернул голову к Сюнь Аню и насмешливо закатил глаза:

— Наш брат Жун действительно был одержим тобой, но ты просто собака и все еще хочешь завести отношения на стороне! Посмотреть на себя, ты действительно думаешь, что другие слепы?!

Задумавшись о возвращении домой, У Жун рассеянно проследил взглядом за вытолкнутым "хорошим яблоком" и вдруг замер. В то же время Сюнь Ань, катающийся по полу от боли и смутения, выглядел жалким и обиженным, и хотел что-то ответить, но в следующее мгновение ошеломленно застыл.

Из бара доносились шепотки, что мужчина, которого вытолкнули, действительно был симпатичным. Он был похож на ледяную скульптуру, холодный и красивый, с элегантной осанкой. Он стоял там, не вписываясь в атмосферу бара, как бессмертный журавль в фазаньем гнезде.

Другие были ошеломлены его внешностью, но У Жун был ошеломлен даосским одеянием, в которое он был одет.

Этот человек на самом деле был даосским священником!

Как мог даосский священник петь в баре?

Заметив совершенно спокойные взгляды окружающих его людей и подумав о том, что после смерти он превратился в призрака, У Жун не мог не задуматься о богах и духах.

Этот даосский священник был здесь не для того, чтобы отправить его в подземный мир, не так ли?

Видя, что Сюнь Ан избит до неузнаваемости, а его крики становились все громче и громче, парни наконец остановились. Их предводитель, Хуан Мао, подошел попросить указаний у У Жуну:

— Брат Жун, эта собака...

— Засуньте в мешок и выбросьте в переулок.

— Хорошо!

— А-Жун! Послушай меня...

Младшие братья потащили Сюнь Аня, который был парализован на полу, наружу. У Жун проигнорировал обиженный взгляд Сюнь Аня, его глаза все еще были устремлены на даосского священника, в то время как люди в баре радостно обсуждали только что произошедший фарс.

— Младший брат, ты все еще слишком мягок. Если бы кто-нибудь осмелился меня обмануть, я бы бросил его в Восточную Страну Призраков. Там много прекрасных призраков, и он смог бы полностью насладиться этой удачей.

Тощий, как дерево, клиент смеялся, занимая столик в одиночестве, с ведерком лапши перед ним и с еще одним ведерком перед пустым местом напротив. Станным было то, что в другом ведерке были две палочки, вертикально воткнутые в лапшу, как будто ее подавали мертвым во время новогоднего ритуала. Вокруг него было много свободного пространства, но никто не осмеливался сесть рядом, все словно его боялись.

У Жун слегка нахмурился.

Ему показалось, что он видит темную фигуру, сидящую напротив мужчины, с горлом, тонким как иголка, и животом, выпуклым, как у беременной женщины. Фигура казалась жадно смотрела на лапшу, ее длинные волосы закручивались и проталкивали ее в то, что, похоже, было ее ртом, проглатывая с большим трудом.

Что это, черт возьми, такое?

— Когда вы мне заплатите?

Звук ясного, четкого голоса, словно лед и камень, ударяющиеся друг о друга, вернул внимание У Жуну, голос, казалось, имел определенный ритм, приятный для слуха. Черная тень, сидевшая напротив гостя, в страхе исчезла при звуке голоса. Когда он обернулся, то увидел, что даосский священник смотрит на него, его взгляд был ясным и ярким, настолько, что он, казалось, мог видеть все насквозь, как будто это было тепло зимнего солнца.

У Жуну нравились такие глаза. Он взглянул на своего младшего брата, который криво улыбнулся и подошел к нему, шепча на ухо:

— Брат Жун, это странствующий даосский священник, который только что пришел в наш бар, чтобы устроиться на работу в качестве певца. У него нет наставника, и он просто хочет заработать на жизнь. Он случайно оказался здесь, и мы хотели нанять его, чтобы он почистил тебе глаза. Если он не знает, что делает, просто прогони его...

— Сколько?

— А?

Младший брат ошеломленно замер, когда У Жун посмотрел прямо на молодого даосского священника и снова спросил:

— Сколько?

— Пятьсот.

Младший брат не выдержал:

— Эй, ты слишком много просишь! Ты...

— Держи.

У Жун впихнул все деньги, которые он выхватил у Сюнь Аня, в руки даосского священника. Даже глупый человек уже догадался бы, что что-то не так, когда увидел призрачную фигуру. Возможно, это не сон, но и обычным миром это место никогда не было.

Прожив полжизни, У Жун теперь хотел только одного — вернуться домой и узнать, там ли его мать.

— Денег слишком много, я возьму только то, что причитается.

Даос слегка нахмурил брови, и его лицо, которое до этого было лишено выражения, наконец изменилось. Но У Жун больше ничего ему не сказал, махнул рукой и поспешно вышел из бара. Снаружи небо было пасмурным и затянутым тучами, сейчас явно должно быть начало лета, но было похоже на позднюю осень, неописуемо холодно. Улицы были все те же, что и раньше, шумные, полные людей, да и здания не слишком отличались, но У Жун быстро понял, что многое изменилось.

— Распродажа божественных кистей! Распродажа божественных кистей! Новая божественная кисть недорого! Божественная кисть, которая раньше стоила сто восемьдесят, двести восемьдесят, триста восемьдесят, теперь всего двадцать восемь, всего по двадцать восемь!

— Черные собаки, чистые натуральные черные собаки, не крашенные собаки, гарантированно! Чистые черные корни, чистая родословная, купите черную собаку и получите кровь черной собаки бесплатно! Купите черную собаку и получите кровь черной собаки бесплатно!

— Когда я вырасту, я хочу поступить в Академию Небесных Наставников*, моя мама была так счастлива услышать это, что купила мне мое любимое желе.

(*этот даосский титул правильно переводить как Высочайший Наставник (уважительное звание для тех, у кого есть Дао), но гугл переводит его как Небесный Мастер, так что совместим привычное с правильным...)

Из маленьких магазинчиков по обе стороны доносился привычный шум и гам, но вместо рекламы знаменитостей, висевшей на центральном торговом центре, на плакатах были изображены несколько молодых и красивых даосских священников, выглядящих как подростки, позирующих в крутых позах, каждый держал в руках народный инструмент, такой как эрха, пипа или флейта, а рядом бросался в глаза баннер, написанный большими черно-белыми буквами: "Молодежный коллектив Горы Хулунг возвращается с новым релизом,

автограф-сессия альбома "Отрешенная сутра" назначена на 29 июля!"

У Жун подсознательно избегал толпы и потирал глаза. С того момента, как он увидел странную фигуру, он почувствовал, что его левый глаз болит, как будто в него попал песок, и он никак не мог избавиться от этого ощущения. Он хотел пойти купить бутылку минеральной воды, чтобы промыть глаз, но, взглянув на киоск, отступил, не сказав ни слова.

Тени, отражающиеся за рядами минеральной воды, на самом деле были рядами призрачных голов.

Он не знал, как ему удалось добраться ко входу в свой семейный магазин. Мир стал совершенно чужим. Это было еще более странным, чем сон. Чем ближе он был к дому, тем медленнее двигался. Мир так сильно изменился, что У Жун боялся, что его мать тоже изменилась.

... вроде все и не особо изменилось, но что-то было не так.

Спрятавшись у входа в переулок, У Жун молча прикуривал сигарету и наблюдал, как его мать усердно рекомендует покупателям новые виды бумажных денег.

[Магазин погребальных одеяний почтенного Ляна]

Венки, погребальные одеяния, траурные ленты, фэн-шуй, благовония и бумажные деньги, урны...

Оказываем услуги по кремации и захоронению по принципу "одного окна". Телефон службы поддержки: ...

У Жун взял фамилию матери, а его отца звали Лян. Он умер молодым, оставив своей жене и сыну этот магазин чтобы они смогли продержатся на плаву. Поскольку его семья владела погребальным магазином, он с детства был изолирован и подвергался остракизму со стороны сверстников. Теперь, когда он увидел свою мать, занятую перед магазином, и рассмотрел ее знакомое и одновременно незнакомое лицо, он не мог сказать, что чувствовал в своем сердце.

Дзинь, дзинь, дзинь, дзинь...

Телефон внезапно зазвонил, и У Жун попытался положить трубку, но обнаружил, что телефон не перестает звонить, как бы сильно он ни нажимал на него. Когда звук телефона привлек внимание окружающих, он свернул за угол, пока его мать не выглянула, но телефон по-прежнему не соединялся, он продолжал звонить, переключатель не реагировал, а экран был черным.

Может он сломался?

Монотонный звон неоднократно раздавался в пустом переулке, как будто он доносился из другого мира, призрачного и одинокого в переулке. Что-то было не так, его инстинкты забили тревогу, по коже побежали мурашки, и У Жун хотел просто выбросить телефон, но в следующий момент его движения внезапно остановились.

Жуткий звук жевания доносился из стоящего неподалеку мусорного бака, как дикая собака, ворующая еду, темная фигура зарылась головой в мусор и пожирала его. Когда У Жун заметил

ее, она тоже подняла голову уставившись на него с омерзительной жадностью.

— Ты пахнешь... так вкусно...

З-з-з!

Внезапно ударил резкий ветер, и У Жун очень быстро среагировал ударом ноги. Он дрался с детства, и этот удар был направлен в самую уязвимую часть живота обычного человека, не оставляя возможности для уклонения. Но его нога словно ударилась о твердую сталь, и боль, которую он почувствовал, отозвалась эхом. И тогда ему открылась истинная форма монстра.

Его голова была огромной, как барабан, но горло было тоньше иголки, и это оказалась призрачная фигура, сидящая напротив клиента в баре, и У Жун ударил ее ногой в выпуклый, как у беременной женщины, живот, не причинив никакого вреда!

Когда призрачная фигура обрела форму, температура вокруг нее резко упала, все вокруг окутал черный туман и возникла жуткая аура. У Жун выдохнул воздух, который казался туманным белым паром, который бывает только при низких температурах. Это не было иллюзией; призрак менял окружающую среду!

Глядя на черный туман, который быстро распространялся во все стороны, и в том числе на магазин ритуальных услуг за углом, У Жун без колебаний развернулся и побежал в противоположном направлении. В этот момент у него в голове была только одна мысль — оказаться как можно дальше от дома. Конечно, призрак тут же бросился за ним, и область, которую окутывал туман, стала распространяться в том направлении, куда убежал У Жун.

Температура продолжала падать, и постепенно тело У Жуна становилось скованным, в таком темпе очень скоро он замерзнет, не в силах двигаться. Однако нервы У Жуна отличались от нервов обычных людей, как будто он родился бесстрашным. Он все еще мог думать в такой критической ситуации, когда его преследовал свирепый призрак.

Получится ли позвонить 110?

У Жун вдруг обнаружил, что телефон, который он не мог повесить, не звонил с момента начала погони. В то же время телефон становился все холоднее и холоднее, словно глыба льда в его руке. Когда он посмотрел вниз, то увидел, что на экране телефона в какой-то момент образовался тонкий слой инея. Иней становился то темным, то светлым, вырисовывая слабые узоры. В мгновение ока узор становился все более явным, из него начала сочиться кровь, и в конце концов он стал похож на призрачное лицо маленького ребенка, истекающее кровью из семи отверстий!

Еще один!

Холод становился все ближе и ближе, вся спина У Жуна заледенела, призрак буквально дышал ему в спину. Впереди были волки, а сзади тигры. Взгляд У Жуна стал жестким, он храбро развернулся и приготовился сражаться насмерть!

Бип!

В тишине переулка раздался резкий звук, и в это время телефон в руках У Жуна был подключен! Из телефона донеслась какофония из электрических помех, как будто сигнал был плохим, а затем...

— А-ха-ха, ха-ха, ха-ха.

По переулку разнёсся серебристый смех ребенка, явно невинный и детский, но если прислушаться, то вам станет жутко. Смех совершенно монотонный и несколько искаженный, как звук старой видеокассеты, прерывистый и призрачный.

— Король... Я наконец нашел тебя!

<http://bllate.org/book/14127/1243696>